

АРТУР ДЖЕРМИН

1

Жизнь ужасна сама по себе, и тем не менее на фоне наших скромных познаний о ней проступают порою такие дьявольские оттенки истины, что она кажется после этого ужасней во сто крат. Наука, увечающая наше сознание своими невероятными открытиями, возможно, станет скоро последним экспериментатором над особями рода человеческого — если мы сохранимся в качестве таковых, ибо мозг простого смертного вряд ли будет способен вынести изрыгаемые из тайников жизни бесконечные запасы неведомых дотоле ужасов. Знай мы, кто и откуда мы есть, возможно, и мы поступили бы так же, как сэр Артур Джермин, который в последнюю ночь своей жизни облил себя керосином и поднес огонь к пропитанной горючим одежде. Никто не отважился поместить в урну его обгоревшие останки или установить надгробие в память о нем, ибо в его доме были найдены некие документы и некий предмет, хранившийся в ящике. Люди, нашедшие их, постарались как можно скорее забыть об этом, а некоторые из тех, кто был лично знаком с их обладателем, до сих пор отказываются признать, что Артур Джермин вообще существовал на земле.

В тот роковой день Артур Джермин вскрыл ящик, присланный ему из Африки, и увидел упакованный в него предмет, а когда наступила ночь, вышел на болото и предал себя огню. Поводом для самосожжения послужил именно этот предмет, а вовсе не внешность погибшего, которая была, мягко говоря, более чем необыч-

ной. Для многих из нас жизнь была бы пыткой, обладай мы такой наружностью. Но сэр Артур, будучи по складу ума поэтом и ученым, не обращал на свое уродство ни малейшего внимания. Страсть к учению была у него в крови — его прадед, сэр Роберт Джермин, баронет, был знаменитым антропологом, а прапрапрадед, сэр Уэйд Джермин, снискал известность как один из первых исследователей бассейна Конго. Он оставил после себя пространные труды, в которых тщательно описал природу этого края, его флору и фауну, населявшие его племена и гипотетическую древнюю цивилизацию, якобы существовавшую там много веков назад. Страсть к познанию мира была у сэра Уэйда почти маниакальной, а его никем не признанная гипотеза о наличии в Конго некой белой расы, сохранившейся с доисторических времен, вызвала шквал насмешек, последовавший сразу же после выхода в свет его книги «Обзор некоторых регионов Африки». В 1765 году сей бесстрашный исследователь был помещен в сумасшедший дом в Хантингдоне.

Безумие было семейным недугом Джерминов, и окружающим оставалось только радоваться немногочисленности их рода. В каждом поколении неизменно оказывался только один наследник мужского пола, а с гибелью Артура Джермина род угас окончательно. Трудно сказать, как поступил бы Артур после ознакомления с вышеупомянутым предметом, если бы у него был наследник. Все Джермины были уродливы, но Артур выделялся своей уродливостью даже среди своих странных родственников. Впрочем, на старых семейных портретах в доме Джерминов можно было увидеть тонкие, умные лица, не тронутые печатью безумия. Определенно, семейный недуг овладел родом начиная с сэра Уэйда, чьи невероятные рассказы об Африке вызывали у его немногочисленных друзей чувство восторга пополам с ужасом. Его коллекция африканских трофеев явно свидетельствовала о ненормальности ее

владельца, ибо никакой здравомыслящий человек не стал бы собирать и хранить у себя дома такие отвратительные и зловещие экспонаты. И уж особого разговора заслуживало то воистину восточное заточение, в котором он содержал свою жену. По его словам, она была дочерью португальского торговца, с которым он встретился в Африке. Жена сэра Уэйда не любила Англии и ее обычаев. Она и ее маленький сын, родившийся в Африке, появились в доме Джерминов после возвращения сэра Уэйда из второго и самого длительного его путешествия. Очень скоро Уэйд Джермин отправился в третье, взяв жену с собой, и она не вернулась из этого путешествия. Никто не видел ее вблизи, даже слуги; впрочем, ни у кого из них и не возникало желания столкнуться с нею лицом к лицу, ибо, по слухам, она отличалась буйным и необузданным нравом. Во время пребывания в доме Джерминов она занимала отдаленное крыло здания, и сэр Уэйд был единственным человеком, чьими услугами она пользовалась. Он вообще был ярым приверженцем изоляции членов своей семьи, а потому, когда он бывал в отъезде, за его малолетним сыном дозволялось присматривать одной лишь няньке — невероятно уродливой чернокожей уроженке Гвинеи. Вернувшись в Англию без леди Джермин, исчезнувшей в Африке навсегда, он сам взялся за воспитание сына.

Поводом для того, чтобы счесть сэра Уэйда сумасшедшим, стали разговоры, которые он вел на людях, особенно будучи навеселе. В ту насквозь пропитанную духом рационализма эпоху, какой заслуженно считается XVIII век, со стороны ученого человека было в высшей степени неразумно с серьезным видом рассказывать о жутких образах и невероятных пейзажах, якобы виденных им под конголезской луной, о гигантских стенах и колоннах заброшенного города, полуразрушенного и заросшего лианами, о безмолвных каменных ступенях, ведущих вниз, в непроглядную тьму бездонных

подвалов и запутанных катакомб с погребенными там сокровищами. Но самым большим его промахом были рассуждения о предполагаемых обитателях тех мест — существах, происходивших наполовину из джунглей, наполовину из древнего языческого города и бывших созданиями столь сказочными, что, верно, и сам Плиний описал бы их с известной долей скептицизма. Эти существа якобы начали появляться на свет после побега гигантских человекообразных обезьян на умирающий город. Возвратясь домой из последнего своего африканского путешествия, сэр Уэйд рассказывал обо всем этом с таким жутковатым пылом (аудиторией для его выступлений служил зал таверны «Голова рыцаря»), что слушавшие его невольно содрогались. После третьего стакана сэр Уэйд начинал похвально себя находками, сделанными в джунглях, и с пьяной спесью повествовал о том, как он жил в полном одиночестве среди страшных развалин, местонахождение которых было известно ему одному. В конце концов его упрятали в приют для умалишенных, и местные жители облегченно вздохнули, ибо они были сыты по горло сэром Уэйдом и его кошмарными историями. Сам сэр Уэйд, когда его поместили в зарешеченную комнату в Хантингдоне, не очень-то огорчился. Последнее обстоятельство объяснялось его весьма своеобразным восприятием мира. Он невзлюбил дом, в котором жил, еще в пору отрочества своего сына, а позже вообще стал избегать его. «Голова рыцаря» некоторое время была для него самой настоящей штаб-квартирой, а когда его изолировали от общества, он испытал даже нечто вроде благодарности к своим стражам, полагая, что заточение охранит его от некой нависшей над ним опасности. Три года спустя он умер.

Сын Уэйда Джермина Филипп тоже был весьма своеобразной личностью. Несмотря на сильное физическое сходство с отцом, он отличался настолько грубой внешностью и неотесанными манерами, что окру-

жающие старательно его избегали. Ему не передалось безумие отца, чего так боялись многие, но он был безнадёжно туп и, кроме того, подвержен вспышкам неудержимой ярости. Небольшого роста и неширокий в плечах, он отличался огромной физической силой и невероятной подвижностью. Через двенадцать лет после получения наследства и титула он женился на дочери своего лесника, который, по слухам, происходил из цыган, однако, даже не дождавшись рождения сына, внезапно пошел служить на флот простым матросом, чем вызвал яростное форте в хоре всеобщего осуждения, понемногу нараставшего после его вступления в брак с женщиной столь низкого происхождения. По завершении американской войны он плавал на торговом судне, совершавшем рейсы в Африку, и заслужил популярность среди моряков своими силовыми трюками и бесстрашным лазанием по вантам и мачтам. В одну из ночей, когда корабль пристал к берегу Конго, он бесследно исчез.

В отпрыске Филиппа Джермина фамильная особенность, которую тогда никто уже не оспаривал, приняла весьма странное и фатальное выражение. Высокий и, несмотря на незначительные диспропорции телосложения, довольно миловидный, с налетом загадочной восточной грации, Роберт Джермин начал свой жизненный путь в качестве ученого и исследователя. Он первым глубоко изучил обширную коллекцию реликвий, привезенных из Африки его сумасшедшим дедом, и первым же прославил фамилию Джерминов среди этнографов в такой же степени, в какой она уже была известна среди географов-исследователей. В 1815 году сэр Роберт женился на дочери виконта Брайтхолма, которая родила ему одного за другим троих детей. Старшего и младшего из них никто и никогда не видел: родители держали их взаперти, не желая выставлять на всеобщее обозрение их физическую и умственную неполноценность. Глубоко опечаленный таким поворо-

том семейной жизни, сэр Роберт нашел утешение в работе и организовал две длительные экспедиции в глубь Африки. Его средний сын, Невил, был необычайно отталкивающей личностью и явно сочетал в себе угрюмость Филиппа Джермина с надменностью Брайтхолмов. В 1849 году он сбежал из дома с простой танцовщицей, но уже через год вернулся обратно и получил прощение. К тому времени он уже был вдовцом и папашей маленького Альфреда, которому суждено было стать отцом Артура Джермина.

Друзья сэра Роберта говорили, что его помешательство наступило из-за несчастий, выпавших на его долю, но, скорее всего, истинной причиной был африканский фольклор. Ученый-исследователь собирал легенды о племенах онга, живших неподалеку от того района, где проводил свои изыскания сэр Уэйд. В этих легендах Роберт Джермин надеялся найти обоснование невероятным историям своего предка о затерянном в джунглях городе, населенном странными существами-гибридами. Кое-какие документы, найденные у сэра Уэйда, свидетельствовали о том, что воображаемые видения безумца наверняка подпитывались африканскими мифами. 19 октября 1852 года в дом Джерминов заглянул Сэмюэл Ситон, который некоторое время жил среди племен онга и составил о них обширные заметки. Ситон полагал, что кое-какие легенды о каменном городе гигантских белых обезьян, над которыми владычествовал белый бог, могли бы оказаться ценными для этнографа. В своей беседе с Робертом Джермином Ситон наверняка представил тому множество разного рода дополнительных свидетельств, однако об их содержании мы можем только весьма приблизительно догадываться, ибо мирный разговор двух антропологов совершенно неожиданно обернулся чередой трагических и кровавых событий. Выйдя из библиотеки, где проходила встреча, сэр Роберт Джермин оставил в ней труп задушенного Сэмюэла Ситона, а затем, не успев прийти

в себя после содеянного, хладнокровно лишил жизни своих троих детей — как обоих неполноценных, которых никто и никогда не видел, так и Невила, убежавшего из дома в 1849 году. Приняв смерть от руки отца, Невил все же сумел защитить своего двухлетнего сына, который был явно включен старым безумцем в схему этого ужасного преступления. Сам же сэр Роберт, после нескольких попыток самоубийства и упорного нежелания произнести хотя бы одно-единственное слово, умер от апоплексического удара на втором году своей изоляции.

Сэр Альфред Джермин стал баронетом на четвертом году жизни, но его вкусы и пристрастия никогда не соответствовали этому титулу. В двадцать лет от роду он связался с труппой артистов мюзик-холла, а в тридцать шесть оставил жену и сына на произвол судьбы и уехал на гастроли с бродячим американским цирком. Его жизнь оборвалась совершенно ужасным и бесславным образом. В цирке среди животных был огромный самец гориллы необычно светлой окраски; обезьяна эта была удивительно кроткой (что никак не вязалось с ее внушительными размерами) и этим заслужила горячую любовь всех артистов. Что касается Альфреда Джермина, то он был совершенно очарован ею; очень часто они, разделенные решеткой, сидели один напротив другого и нежно смотрели друг другу в глаза. В конце концов Альфред добился разрешения дрессировать животное и достиг в этом деле результатов, которые одинаково изумляли и публику, и его коллег. Однажды утром (это было в Чикаго) Альфред репетировал с гориллой боксерский матч, в ходе которого обезьяна нанесла дрессировщику-любителю удар, гораздо более сильный, нежели требовали правила игры, тем самым причинив своему противнику неприятные ощущения и больно задев его самолюбие. О том, что произошло потом, люди из «Величайшего шоу на Земле» — так назывался бродячий цирк — предпочитают не вспо-

минать. Они никак не ожидали, что Альфред Джермин вдруг издаст пронзительный нечеловеческий визг, схватит своего огромного противника обеими руками, прижмет к полу клетки и яростно вцепится зубами в его заросшее шерстью горло. Первые несколько секунд горилла была ошеломлена, но затем быстро пришла в себя, и к тому времени, когда подоспел дрессировщик-профессионал, тело баронета было изувечено до неузнаваемости.

2

Артур Джермин был сыном Альфреда и никому не известной певички из мюзик-холла. Когда муж и отец оставил семью, мать привезла ребенка в дом Джерминов, где сразу же сделалась полновластной хозяйкой. Она не забывала о дворянском титуле своего сына и постаралась дать ему образование настолько высокое, насколько позволяли скудные денежные средства. Семейные ресурсы таяли на глазах, и дом Джерминов совершенно обветшал, однако молодой Артур полюбил это старое сооружение вкупе со всей заповолявшей его рухлядью. Артур не походил ни на одного из своих предшественников — он был поэтом и мечтателем. Те из соседей, которым было известно о таинственной португальской жене старого Уэйда Джермина, утверждали, что ее романская кровь еще даст о себе знать, однако большинство издевательски посмеивалось над его восприимчивостью к прекрасному, объясняя это чертами, унаследованными от матери, певички неизвестного происхождения. Поэтическая изысканность Артура Джермина была просто выдающейся и никак не вязалась с его уродливой внешностью. Почти все Джермины отличались хрупким сложением и довольно неприятными чертами лица, но Артур превзошел в этом всех своих предков. Трудно хотя бы приблизительно описать его уродство или сравнить его с чем-нибудь. Несом-

мненно одно: резкие, выступающие черты лица и неестественной длины руки заставляли содрогаться от отвращения всякого, кто видел Артура Джермина в первый раз.

Однако его физическое уродство совершенно искупалось необычайным умом и талантом. Одаренный и эрудированный, он был удостоен самых почетных наград Оксфорда и вознес интеллектуальную славу своего рода на новые высоты. По своему складу он был скорее поэтом, нежели ученым. И тем не менее в его планы входило продолжить работу своих предков в области африканской этнографии. В его распоряжении была замечательная конголезская коллекция сэра Уэйда, и Артур много размышлял о доисторической цивилизации, в существование которой так упрямо верил сумасшедший исследователь, одновременно пытаясь связать воедино многочисленные легенды и не менее многочисленные заметки, оставшиеся от его прапрапрадеда. По отношению к таинственной гибридной расе, обитавшей в конголезских джунглях, он испытывал какое-то особое чувство симпатии, смешанное со страхом; размышляя об этом, он пытался найти разгадку в более поздних свидетельствах, собранных его прадедом и Сэмюэлом Ситоном среди племен Онга.

В 1911 году, после смерти матери, сэр Артур Джермин решил всецело посвятить себя поискам неведомого города. Продав часть своего поместья, он снарядил экспедицию и отплыл в Конго. Наняв с помощью бельгийских властей проводников-аборигенов, он отправился в глубь джунглей и провел год в стране онга и калири, неустанно собирая сведения о заброшенном городе. Вождем племени калири был старый Мвану; он обладал крепкой памятью и ясным умом и знал множество старинных легенд и преданий. Старый вождь подтвердил правдивость всех легенд, слышанных Артуром Джермином, и дополнил их своими соображениями по

поводу каменного города и белых человекообразных обезьян.

По словам Мвану, город этот действительно стоял когда-то в джунглях и его действительно населяли существа-гибриды, но много лет тому назад они были уничтожены воинственным племенем н'бангу. Воины н'бангу, разрушив почти все сооружения города и истребив его население, унесли с собой мумию богини, ради которой они и совершили набег на город. Богиня эта представляла собой белую человекообразную обезьяну, и странные существа, населявшие каменный город, поклонялись ей. Жители Конго считали, что она походила на принцессу, некогда правившую этим городом. Мвану не имел ни малейшего понятия об этих странных существах, но полагал, что именно они построили город, ныне лежащий в руинах. Будучи не в состоянии разработать сколько-нибудь стройную гипотезу, Джермин тем не менее сумел вытянуть из Мвану весьма живописную легенду о мумифицированной богине.

Принцесса в образе белой обезьяны, гласила легенда, стала супругой великого белого бога, пришедшего на эту землю с запада. Долгое время они вместе правили городом, но после рождения сына все трое покинули его. Они вернулись некоторое время спустя, но уже без сына, а после смерти принцессы ее божественный супруг забальзамировал тело и поместил его в большой каменный мавзолей, где оно стало объектом всеобщего поклонения. После этого он навсегда ушел из города. У этой легенды имелось три возможных завершения. Согласно одному из них, ничего существенного после описанных событий не произошло, а мумия богини стала считаться символом могущества племени, обладавшего ею. Именно поэтому н'бангу совершили набег на город и похитили ее. Во втором варианте говорилось о том, что белый бог вернулся в город и умер в ногах у священного тела своей жены. В третьем же упоминалось о возвращении сына, ставшего к тому времени

взрослым мужем — то ли богом, то ли обезьяной, в зависимости от фантазии сказителя, — но не имевшего понятия о своем высоком происхождении. Безусловно, чернокожие аборигены с их буйным воображением исказили до неузнаваемости те немногие реальные факты, которые могли лечь в основу этой весьма занятой легенды.

Артур Джермин больше не сомневался в том, что описанный сэром Уэйдом город действительно существует, и потому не очень удивился, когда в начале 1912 года набрел на то, что от него осталось. Его размеры были явно скромнее тех, что упоминались в легендах, и тем не менее валявшиеся повсюду обработанные камни говорили о том, что это была не просто негритянская деревня. К своему огромному огорчению, Артур не нашел среди развалин никаких резных изображений, а немногочисленность членов экспедиции помешала расчистить хотя бы один из проходов, ведущих в упоминавшиеся сэром Уэйдом катакомбы. Артур переговорил со всеми местными вождями о белых человекообразных обезьянах и забальзамированной богине, но полученные сведения необходимо было уточнить у какого-нибудь европейца, жившего в этих местах. И Артур нашел такого человека — это был мсье Верхерен, бельгийский агент, обитавший на одной из конголезских торговых факторий. Выслушав Артура, бельгиец пообещал ему не только отыскать, но и доставить мумию богини. Хотя о ней мсье Верхерен слышал лишь краем уха, он рассчитывал на помощь племени н'бангу, которое в то время состояло на службе у правительства короля Альбера; бельгиец не без основания полагал, что ему удастся достаточно легко убедить их расстаться с этим мрачным божеством, которое некогда было похищено из каменного города их предками. Отплывая в Англию, Джермин думал о том, что через каких-нибудь несколько месяцев он, может быть, получит бесценную для этнографа реликвию, которая под-

твердит самые безумные гипотезы его прапрапрадеда. Одна эта мысль заставляла его дрожать от волнения. Впрочем, деревенские жители, жившие неподалеку от поместья Джерминов, могли бы рассказать Артуру гораздо более леденящие душу истории на конголезскую тему, унаследованные ими от своих дедов, прадедов и прапрадедов, последние из которых имели честь лично присутствовать на выступлениях сэра Уэйда в «Голове рыцаря».

Артур Джермин терпеливо ждал вестей от мсье Верхерена, между тем основательно изучая рукописи своего безумного пращура. Постепенно ощутив нечто вроде духовной близости с сэром Уэйдом, он энергично взялся за поиски свидетельств о его жизни в Англии, тогда как до этого Артура интересовали только африканские приключения предка. Несмотря на обилие устных преданий о загадочной жене-португалке, Артуру не удалось отыскать ни одного вещественного подтверждения тому, что таковая вообще жила в доме Джерминов. Казалось, память о ней была намеренно вычеркнута из семейных анналов. Артур пытался понять, почему так получилось, и в конце концов решил, что причиной этого умышленного забвения явилось сумасшествие ее мужа. Артур Джермин вспомнил, что его прапрапрабабка была дочерью португальца, который вел торговлю в Африке. Без сомнения, она превосходно знала Черный континент и обладала определенной практической сметкой, унаследованной от отца. Гипотезы сэра Уэйда наверняка вызывали у нее издевательскую усмешку, а такой мужчина, как Уэйд Джермин, вряд ли мог простить ей подобное поведение. Она умерла в Африке — скорее всего, муж увез ее туда специально для того, чтобы убедить в своей правоте. Рассуждая таким образом, Артур отдавал себе отчет в том, что все это не более чем догадки, а установить истину вряд ли удастся, так как после смерти его странных предков прошло уже добрых полтора столетия.

В июне 1913 года Джермин получил письмо от мсье Верхерена, в котором последний сообщал о том, что поиски мумии увенчались успехом. Эта мумия, писал бельгиец, представляет собой совершенно необычный экспонат, классифицировать который было бы не под силу простому любителю. Только специалист мог бы определить, кому именно — человеку или обезьяне — принадлежало это забальзамированное тело, а процесс идентификации еще более затруднен ввиду его весьма плачевного состояния. Неумолимое время и влажный климат Конго никак нельзя отнести к факторам, благоприятствующим сохранности мумий, особенно в случаях, когда бальзамирование выполнено на любительском уровне, как в данном случае. На шее у мумии имеется золотая цепочка с пустым медальоном, на поверхности которого изображен некий герб; несомненно, медальон был снят разбойниками н'бангу с какого-нибудь незадачливого белого путешественника и нацеплен на шею богини в знак преклонения. Подробно остановившись на чертах лица мумифицированной богини, мсье Верхерен позволил себе привести фантастическое сравнение, или, скорее, шутливое предположение относительно того, насколько эти черты могут поразить его корреспондента; впрочем, письмо носило в основном строго научный характер, и упоминание о чертах лица богини было единственным легкомысленным его местом. Бельгиец писал, что ящик с мумией придет примерно через месяц после получения письма.

Помещенный в ящик предмет был доставлен в дом Джерминов 3 августа 1913 года во второй половине дня. Сэр Артур тут же распорядился унести его в большой зал, где хранилась коллекция африканских образцов, начатая сэром Робертом и завершенная самим Артуром.

О дальнейших событиях повествуют свидетельства слуг, документы и вещественные доказательства, которые позже подверглись самому тщательному изучению. Из всех свидетельств наиболее полным и связным был

рассказ старого Сомса, дворецкого в доме Джерминов. Он показал, что после того, как ящик был установлен в комнате-музее, сэр Артур приказал всем покинуть помещение. Как только его приказание было выполнено, он тут же принялся вскрывать ящик, о чем свидетельствовал стук молотка и зубила. Потом наступила тишина; сколько она продолжалась, Сомс точно не помнил, однако менее чем через четверть часа дворецкий услышал леденящий душу вопль, исходивший, вне всякого сомнения, из груди Артура Джермина.

В следующее мгновение сэр Артур выскочил из комнаты и с бешеной скоростью устремился к парадному выходу, словно его преследовало некое жуткое чудовище. Выражение неопишемого ужаса на его лице потрясло Сомса, которому отчасти переданся страх его хозяина. Почти добежав до парадного, сэр Артур внезапно остановился, поколебался секунду-другую, а затем повернулся и сбежал вниз по ступенькам, ведущим в подвал.

Ошеломленные слуги молча смотрели на дверь, за которой скрылся хозяин дома, ожидая, что он вот-вот появится обратно, но этого так и не произошло. За дверью не было слышно ни звука; только сильный запах керосина начал распространяться по дому. После наступления темноты слуги услышали, как хлопнула дверь, ведущая из подвала во двор. Последним, кто видел живого Артура Джермина, был конюх; по его словам, с ног до головы облитый керосином сэр Артур, воровато озираясь, устремился в сторону раскинувшегося неподалеку от дома болота и вскоре исчез во тьме. Далее ужасные события развивались с огромной быстротой: слуги увидели на пустыре яркую вспышку, столб пламени, в котором корчился самоубийца, и через минуту все было кончено.

Причину, по которой обгоревшие останки сэра Артура Джермина не были собраны и захоронены, следует искать на дне ящика, полученного покойным из

Африки. Вид мумифицированной богини был ужасен: полуразложившаяся, изъеденная, она вызывала тошноту, но даже ничего не смыслящий в антропологии дилетант мог бы понять, что перед ним лежит мумия белой человекообразной обезьяны неизвестного вида, характеризующегося гораздо менее густым, нежели у других обезьян, волосяным покровом и значительно большим сходством с человеком; следует добавить, что последнее было просто невыносимо.

Не будем вдаваться в подробности, дабы не пробудить у читателя весьма неприятных эмоций, однако упомянем о двух немаловажных деталях, которые потрясающе стыкуются с некоторыми заметками сэра Уэйда о его африканских экспедициях, а также с конголезскими легендами о белом боге и богине в образе человекообразной обезьяны. Во-первых, герб на медальоне, который украшал мумифицированную богиню, был фамильным гербом Джерминов; во-вторых, полушутливый намек мсье Верхерена относительно сходства сморщенного лика богини с некой известной персоной относился не к кому иному, как к пораженному сверхъестественным ужасом Артуру Джермину, прапраправнуку сэра Уэйда Джермина и никем никогда не виданной женщины. Члены Королевского антропологического института предали мумию огню, а медальон выбросили в глубокий колодец, и многие из них до сих пор не желают признать, что Артур Джермин вообще существовал на земле.

КАРТИНКА В СТАРОЙ КНИГЕ

Искатели острых ощущений любят наведываться в глухие, потаенные места. Они охотно посещают катакомбы Птолемеи и узорчатые мавзолеи гиблых полуденных стран, забираются на залитые лунным светом башни полуразрушенных рейнских замков и сходят вслепую по стертым ступеням в провалы, зияющие чернотой среди руин заброшенных азиатских городов. Дремучий лес с нечистой силой, безлюдный горный краж служат для них объектами паломничества, и они подолгу кружат возле таящих немую угрозу монолитов на необитаемых островах. Но подлинный ценитель ужасов, который в каждом новом впечатлении, полном неопикуемой жути, усматривает конечную цель и смысл существования, превыше всего ставит старинные усадьбы, затерянные в новоанглийской глуши, ибо именно там силы зла пребывают в своем наиболее полном и первозданном обличье, идеально согласуясь с окружающей их атмосферой суеверия и невежества.

Ничто не являет собой картины столь пугающей и безотрадной, как неказистый деревянный дом, расположенный вдали от проезжих трактов на сыром травянистом косогоре у подножья гигантского выхода скальных пород. Сотни лет простоял он так, и все это время вились и ползли по его стенам виноградные лозы, а деревья в саду разрастались вширь и ввысь. Ныне его почти не разглядеть среди буйных лесных зарослей, и только крохотные оконца иногда выдают его присутствие своим тревожным блеском, словно напоминая

о безумных ужасах, спасение от которых можно найти лишь в бесконечном мертвенном оцепенении.

В таких домах поколение за поколением живут самые странные обитатели, каких только выдвигал свет. Фанатичные приверженцы жутких верований, сделавших их изгоями среди людей, — они прибыли сюда вместе с остальными переселенцами, чьи предки в поисках свободы селились на безлюдье. Здесь они жили в достатке и покое вне тех ограничений, что сковывали их сограждан, но сами при этом оказывались в постыдном рабстве у мрачных порождений собственной фантазии. В отрыве от цивилизации и просвещения все душевные силы этих пуритан устремлялись в совершенно неизведанные русла, а болезненная склонность к самоограничению и жестокая борьба за выживание среди окружавшей их дикой природы развили в них самые мрачные и загадочные черты характера, ведущие свое происхождение из доисторических глубин холодной северной родины их предков. Практичные по натуре и строгие по убеждениям, они не умели красиво грешить, а когда грешили — ибо человеку свойственно ошибаться, — то более всего на свете заботились о том, чтобы тайное не сделалось явным, и потому постепенно теряли всякое чувство меры в том, что им приходилось скрывать. Одни лишь старые заброшенные дома, дремлющие в лесной глуши, могли бы поведать о том, что от века покрыто тайной, но они смертельно боятся стряхнуть с себя дремотное забытие. Порой поневоле подумаешь, что для самих этих домов было бы лучше, если бы их снесли, — ведь они, должно быть, часто видят сны.

В одном из таких сооружений, ветхом и покосившемся, мне однажды пришлось искать убежища от внезапного проливного дождя. В ту пору, в ноябре 1896 года, я путешествовал по Мискатоникской долине, собирая информацию об истории этого края и его жителей. Предполагая, что путь мой затянется и будет извилистым и кружным, я решил воспользоваться велосипе-

дом, несмотря на то что время года отнюдь не располагало к такому виду транспорта. Непогода застигла меня на по всем признакам заброшенной дороге, которую я выбрал в качестве кратчайшего пути до Аркхема. Населенных пунктов поблизости не было, и единственным укрытием могло послужить старое и невзрачное бревенчатое строение, тускло поблескивавшее оконцами меж двух исполинских вязов у подножия каменистого холма. Хотя дом этот находился на довольно приличном расстоянии от того, что некогда называлось дорогой, он с первого же взгляда произвел на меня крайне невыгодное впечатление. Порядочные здания не таращатся на путников столь вызывающим и бесцеремонным образом. Кроме того, в ходе моих генеалогических изысканий мне попадались легенды вековой давности, изначально настроившие меня против подобного рода мест. Однако разгулявшаяся не на шутку стихия не позволяла мне быть слишком щепетильным, и я без колебаний подкатил по травянистому склону к закрытой входной двери.

Сначала я почему-то решил, что дом оставлен жильцами, однако, когда я приблизился к нему, уверенность моя сильно пошатнулась, ибо, несмотря на то что все дорожки густо поросли сорной травой, они все же сохранились несколько лучше, чем можно было ожидать в случае полного запустения. Поэтому, прежде чем толкнуть входную дверь, я постучал, ощущая при этом какую-то необъяснимую тревогу. Замерев в ожидании на неровной мшистой глыбе, заменявшей собой порог, я беглым взглядом окинул стекла соседних окон и фрамуги над дверью и отметил, что все они хорошо сохранились, хотя и были покрыты толстым слоем пыли и дребезжали при каждом порыве ветра. Значит, дом по-прежнему был обитаем, несмотря на всю его видимую запущенность. Однако на стук мой никто не отозвался. Постучав на всякий случай еще разок, я взялся за ржавую щеколду и обнаружил, что дверь не заперта. Взору

моему открылась тесная прихожая с обшарпанными стенами; в воздухе ощущался едва уловимый, но тем не менее весьма неприятный запах. Я вошел в дом с велосипедом и затворил за собой дверь. Впереди маячила узкая лестница, к которой примыкала дверца, ведущая, вероятно, в погреб, а по левую и правую руку виднелись закрытые двери комнат первого этажа.

Прислонив велосипед к стене, я толкнул дверь слева от себя и проследовал в крохотную клетушку с низким потолком, тускло освещенную сквозь два запыленных окошка и обставленную самой простой и необходимой мебелью. Вероятно, эта комната некогда служила гостиной: в ней имелись стол, стулья и внушительных размеров камин с полкой, на которой тикали старинные часы. Книг и бумаг было немного, и в окружающем полумраке я с трудом различал заголовки. Более всего меня поразила дух глубокой древности, присутствовавший повсюду — буквально в каждой видимой детали интерьера. Большая часть домов в округе изобиловала реликвиями былых времен, но здесь старина сохранилась в какой-то особенной полноте, ибо во всей каморке я не нашел ни одного предмета, который можно было бы с уверенностью отнести к послереволюционному периоду. Не будь эта комната столь скудно обставлена, она могла бы стать подлинным раем для антиквара.

Осматривая эти необычные апартаменты, я все отчетливее ощущал, как во мне растет то чувство беспокойства, что охватило меня с первого взгляда на дом. Я бы не мог с точностью определить, что именно пугало или отталкивало меня; скорее всего, дело было в самой атмосфере дремучей старины, мрачности и забвения. Я не испытывал ни малейшего желания присесть и беспрестанно ходил по комнате, разглядывая все подряд. Первым предметом, привлекшим мое внимание, стала средней толщины книга, валявшаяся на столе и имевшая столь древний вид, что было даже как-то странно лицезреть ее здесь, а не в стенах какого-нибудь

музея или библиотеки. Кожаный переплет с металлическими застежками позволил ей сохраниться в отличном состоянии; правда, от этого она выглядела еще более неуместной среди убогой обстановки этой обители. Когда я раскрыл ее на титульном листе, удивление мое значительно возросло, ибо передо мной лежало не что иное, как редчайшее издание отчета Пигафетты о землях Конго, составленного им на латыни на основе записок мореплавателя Лопеса и отпечатанного в 1598 году во Франкфурте. Я был немало наслышан об этом издании, украшенном оригинальными иллюстрациями работы братьев де Брю, и на время позабыл о своих тревогах, охваченный нетерпеливым желанием перелистать страницы книги. Рисунки и впрямь оказались весьма любопытными. Делая их, художники руководствовались поверхностными описаниями и были вынуждены восполнять недостающие детали за счет собственного воображения, в результате чего негры, например, у них вышли светлокожими и с европейскими чертами лица. Вероятно, не скоро бы я закрыл эту книгу, не будь здесь одного, на первый взгляд пустякового обстоятельства, которое подействовало на меня угнетающе и вновь пробудило прежнее ощущение беспокойства. Обстоятельство это заключалось в том, что книга как бы по собственной воле снова и снова раскрывалась на одной и той же картинке под номером 12, где была изображена во всех отвратительных подробностях лавка мясника у анзикейских каннибалов. Мне самому было стыдно, что я так нервничаю из-за какого-то пустяка, но рисунок таки вывел меня из равновесия, особенно после того, как я прочел пояснительные строки, в которых излагались некоторые особенности анзикейской кухни.

Чтобы рассеяться, я повернулся к ближайшей полке и принялся разглядывать стоявшие на ней книги. Их было немного, в том числе Библия восемнадцатого века; «Путь паломника», напечатанный в том же столетии в типографии издателя альманахов Исайи То-

маса и снабженный затейливыми гравюрами; полуразжившийся остов «Великих деяний Христа в Америке» Коттона Мэзера и еще несколько книг столь же почтенного возраста. Внезапно мое внимание привлекли звуки шагов в комнате наверху. В первый момент я остолбенел от неожиданности — ведь еще совсем недавно, когда я колотился в дверь, на стук мой никто не отозвался, но в следующее мгновение меня осенило, что, видимо, хозяин только что встал после глубокого сна, и я уже без прежнего удивления продолжал прислушиваться к скрипу шагов, доносившемуся с лестницы. Поступь была тяжелой и в то же время какой-то уж слишком осторожной; такое странное сочетание насторожило меня. Потом шаги замерли, и через несколько секунд, в течение которых обитатель дома, должно быть, разглядывал стоявший в прихожей велосипед, я услышал, как он возится с задвижкой, после чего обшитая дубовыми досками дверь распахнулась настежь.

В проеме возникла персона столь примечательной наружности, что я удержался от изумленного возгласа лишь благодаря тому, что вовремя вспомнил о правилах хорошего тона. Лицо и фигура вошедшего вызвали во мне смешанное чувство испуга и уважения. Передо мной стоял седовласый старец, одетый в рубище, ростом не менее шести футов и, несмотря на возраст и очевидную нужду, еще достаточно крепкого и плотного телосложения. Длинная всклокоченная борода почти полностью закрывала ему лицо, которое имело какой-то неправдоподобно румяный и свежий цвет и было едва тронут морщинами, на высокий лоб ниспадала прядь седых волос, густых, как у юноши. Голубые глаза его, слегка налитые кровью, глядели остро и испытующе. Если бы не вопиющие неухоженность и неопрятность, облик этого человека можно было бы назвать не только впечатляющим, но и благородным. Однако эта неухоженность придавала ему настолько отталкивающий вид, что ни лицо, ни фигура уже не могли поправить положение. Во что конкретно был одет старик, я даже

затрудняюсь сказать — в моем представлении это была просто масса лохмотьев, из-под которых торчала пара тяжелых сапог. Нечистоплотность же его превосходила всякое описание.

Как наружность вошедшего, так и тот произвольный страх, который он мне внушал, приготовили меня к какой-нибудь грубости с его стороны, и потому я даже вздрогнул от удивления и ощущения какого-то жуткого несоответствия, когда он жестом пригласил меня сесть и заговорил слабым старческим голосом, проникнутым льстивым подобострастием и заискивающим радушием. Выражался он весьма своеобразно — на той примитивной разновидности новоанглийского диалекта, которую я считал давно вышедшей из употребления, — и все время, пока он разглагольствовал, сидя напротив меня за столом, я прислушивался не столько к смыслу, сколько к характерным оборотам его речи.

— Что, небось, под дождик попали? — начал хозяин. — Очень славно, что вы оказались так близко от дома и не погнушались зайти. А то я, вишь, маленько соснул, иначе бы враз услышал. Эх, старость не радость, сынок, а в мои лета самое первое дело — крепкий сон. Далеко ли путь держите? С той поры, как убрали аркхемскую станцию, редко встретишь на этой дороге прохожего человека.

Я ответил, что направляюсь в Аркхем, и извинился за непрошеное вторжение. Старик продолжал:

— Рад видеть вас, юный сэръ. Нечасто сюда наведываются чужаки, так что мне, старику, и словом-то перекинуться не с кем. Сдается мне, что вы аж из Бостона, верно? Самому мне там, правда, бывать не случалось, но городского я если увижу, то завсегда отличу. Жил тут у нас в восемьдесят четвертом один горожанин, работал учителем, стало быть, в школе, а потом вдруг куда-то сгинул, и с тех пор о нем ни слуху ни духу...

В этом месте старик как-то странно захихикал, но, когда я спросил его, чем вызван этот смех, он промол-

чал. По всем признакам хозяин дома пребывал в чрезвычайно веселом расположении духа и не находил нужным скрывать своих причуд, о склонности к которым можно было догадаться уже по одному тому, как он ухаживал за своей внешностью. Старик продолжал разглагольствовать в том же роде с каким-то даже подозрительным радушием. Между тем мне пришло в голову спросить у него, где он раздобыл такое редкое издание, как «Regnum Congo» Пигафетты. По-прежнему находясь под впечатлением этой книги, я почему-то никак не решался о ней заговорить. В конце концов, однако, любопытство взяло верх над смутными опасениями, владевшими мной с того момента, как я впервые увидел этот дом. К моему облегчению, старика нимало не смутил мой вопрос, и он отвечал на него охотно и обстоятельно:

— А, эта африканская книжка! Я выменял ее году в шестьдесят восьмом у капитана Эбenezера Хоулта, того самого, который потом погиб на войне.

Услышав имя капитана, я насторожился. Оно встречалось мне несколько раз в ходе моих генеалогических изысканий, правда, насколько я помнил, его не было ни в одном из документов, относившихся к послереволюционному периоду. Я подумал, не сможет ли хозяин дома помочь мне в работе, и решил спросить его об этом чуть позже.

Старик между тем продолжал:

— Эбenezер много лет плывал за море на салеомском купце и в каждом, почитай, порту находил разные занятные штуковины. Книжицу эту, сколько мне помнится, он раздобыл в Лондоне, в какой-то из тамошних лавок, — покойник любил это дело, по лавкам, стало быть, шастать. Я раз гостил у него дома на холме (в ту пору я барышничал лошадьми) и вдруг вижу эту книжку. Уж больно мне картинки приглянулись — ну, я ее у него и выменял. Занятная книжица! Дай-ка я стеклато нацеплю...

СОДЕРЖАНИЕ

Артур Джермин. <i>Перевод Е. Мусихина</i>	5
Картинка в старой книге. <i>Перевод О. Мичковского</i>	20
Усыпальница. <i>Перевод В. Кулагиной-Ярцевой</i>	32
Герберт Уэст, реаниматор. <i>Перевод С. Антонова</i>	45
Притаившийся ужас. <i>Перевод В. Кулагиной-Ярцевой</i>	88
Погребенный с фараонами. <i>Перевод О. Мичковского</i>	114
В склепе. <i>Перевод О. Мичковского</i>	156
Очень древний народ. <i>Перевод С. Антонова</i>	168
Лунная топь. <i>Перевод Е. Нагорных</i>	178
Он. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	190
Заброшенный дом. <i>Перевод О. Мичковского</i>	206
Холод. <i>Перевод Е. Мусихина</i>	245
В стенах Эрикса. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	258
Ex oblivione. <i>Перевод О. Мичковского</i>	303
Примечания. <i>В. Дорогокупля</i>	306

Лавкрафт Г. Ф.

- Л 13 Погребенный с фараонами : повести, рассказы / Говард Филлипс Лавкрафт ; пер. с англ. С. Антонова, В. Дорогокупли, В. Кулагиной-Ярцевой и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 320 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-09054-5

Говард Филлипс Лавкрафт, не опубликовавший при жизни ни одной книги, стал маяком и ориентиром жанра литературы ужасов, кумиром как широких читательских масс, так и рафинированных интеллектуалов. Влияние его признавали такие мастера, как Борхес, и такие кумиры миллионов, как Стивен Кинг, его рассказы неоднократно экранизировались, а само имя писателя стало нарицательным.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ
ПОГРЕБЕННЫЙ С ФАРАОНАМИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Татьяна Бородулина

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.03.2019. Формат издания 75 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 14,1.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AKB-17067-06-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/